

«Меня «шлифовал» Андрей Миронов»

Нет, наверное, человека, который бы равнодушно относился к эстраднему жанру пародии. Поэтому и стали многие артисты-пародисты, не без помощи народа, конечно, — настоящими «национальными героями». Чего стоит простое перечисление: Хазанов, Винокуров, Евдокимов, Петросян... К сожалению, Беларусь не может похвастать сегодня аналогичными фигурами. Хотя... Многие со мной могут не согласиться, напомнив о Георгии Волчке. Ну, что ж, с замечанием согласен, более того, сегодня артист театра-студии «Театр песни» Георгий ВОЛЧЕК — наш гость.

— Отнюдь не каждый человек чувствует в себе способность кого-то скопировать, подчеркнуть чьи-то привычки, манеры. Как раскопал в себе такие способности именно ты!

— Вопрос, конечно, интересный. Если честно, то страсть к пародии я ощутил в армии — кстати, очень подходящее для этого место. Толкнул меня на сию стезю мой командир роты — ужасно горластый и строгий мужик. Вечно он грозился кого-то покалечить. Однажды вернулись мы после маршброска в расположение части: чуть дышим, устали до смерти. И тут мне стукнуло в голову — разрядить обстановку. Взял да и крикнул голосом командира: «Рота, три секунды на построение, иначе всех покалечу!». Эффект был потрясающий: через секунду уже все стояли по стойке «смирно», и только я на полу умирал со смеху. Первый порыв моих друзей я понял сразу — втоптать меня в пол, чтобы потом замазать краской. Но постепенно страсти улетучились, и через минуту уже вся казарма заходила в истерику. С того времени ни один концерт

в части не проходил без моего участия.

— И ты понял, что пародия — твоё призвание!

— Наверное. Но начинал я свой жизненный путь сначала как музыкант. После школы пошел в Брестское музыкальное училище по классу хорошего дирижирования. Но дирижером стать мне было не суждено — вскоре переманили в областной театр, где с 1980 года я стал артистом вспомогательного состава. Год поработал, потом — армия, служил в Германии. После возвращения присвоили «степень» артиста второй категории. Но сразу же заскулило начальство: мол, что за артист без образования? Пришлось быстренько поехать в Минск и поступить в театрально-художественный институт. И вот здесь состоялась встреча, которая, в общем-то, и расставила все точки над «i». В 1985 году в институт приехал уже легендарный тогда Андрей Миронов, чтобы прослушать наиболее перспективных студентов с расчетом готовить из них артистов разговорного жанра. К моему удивлению, я

оказался в числе избранных. Вскоре мы официально познакомились, и после прослушивания я получил довольно высокую оценку со стороны Андрея Миронова. Для 22-летнего юноши, то бишь меня, это было верхом счастья. Потом я много ездил в Москву, к Андрею Миронову, где он шлифовал мое, не Бог весть какое, мастерство. Во время последней нашей встречи он сказал: «На сцене нужно выкладываться до конца, будь в зале тысяча, сто или даже пять человек». Больше живым я его не видел, но несколько месяцев учебы у Миронова дали мне несравненно больше, нежели годы у, простите, посредственных «мастеров».

После институтского распределения в 1988 году я попал в Государственный молодежный театр Беларуси, где мне сразу же всучили роль некоего загадочного Эрни. Уже буквально через год меня от этого тошнило: каждый день по пять раз — Эрни и Эрни, Эрни и опять же он. Начал просить художественного руководителя мою театральную карьеру, но как «бунтарь» оказалась в опале и... был уволен.

— И тебя «подобрали» Тихановичи!

— Не сразу. Некоторое время я был обыкновенным безработным — в то время явление довольно редкое. Познакомился с такими же безработными музыкантами, и вскоре мы начали давать «благотворительные» концерты на предпринятия (кто же будет платить непрофессионалам?). Однажды выступали на «Горизонте» в честь 40-летия завода. Я отработал свой номер и не успел уйти за кулисы, как попал в объятия Александра Тихановича. «С завтрашнего дня работаешь в моем театре. Понял?». Конечно, я понял...

— Опять-таки попал в кабалу!

— Нет-нет. Во-первых, я не индивидуал и люблю, когда мной управляют, правда, с умом. А во-вторых, именно здесь я получил полную свободу. У меня оказались развяза-

ны руки — твори, выдумывай, пробуй.

— Насколько я знаю, ты начал с роли конференсье!

— Да. Любый художественный коллектив должен иметь своего дежурного конференсье. А поскольку мое амплу тесно переплетается с разговорным «рэпом», то Саша решил попробовать меня и в этой роли. Вскоре мой дебют состоялся перед забитым до отказа залом в Санкт-Петербурге. Представляешь? Я думал, умру от страха. Вспотел, как паровая машина, но, к удивлению, два с половиной часа пронеслись, как мгновение. Сейчас, конечно, волнуясь, но такого позорного страха уже нет.

— Жора, а с кем ты готовишь свои номера!

— Совторов у меня нет, все пишу сам. А вот в музыкальном оформлении нецензурную услугу оказывает со своим синтезатором Кристина Поплавская.

— Кстати, кто уже нашел место в твоей коллекции пародий?

— Начиная с узкого круга: Мулявин, Штоколов, Козловский, Леонтьев, цыганский ансамбль «Ромэн». Сейчас добавились Пьеха, Челентано, Кутуньо, хор Н-ской воинской части, Президент Союза. А вообще планирую провести параллели: Майкл Джексон — Пресняков, Стиви Уандер — Муромов и т. д.

— Кроме того, у тебя большой послужной список снятых с твоим участием кинолент!

— Сразу я разрядился «фашистской» обоймой. Режиссеры почему-то видели во мне немца-захватчика. Именно таким был в фильмах «Дочь командира», «Государственная граница. Год 1941», «Свидетель». Кроме того, были картины «Дубровский», «Репетитор», «Под ступеньками», «Бес». Последняя работа была в фильме Дудина «Под небом голубым», где мне досталась довольно отрицательная роль супермена от наркомафии по кличке «Сыч».

— Просто диву даешься, как ты успеваешь побывать в стольких местах одновременно!

— Успеть можно все, главное — не заикнуться на своем «Эрни». Поэтому я не хочу, чтобы меня называли артист-пародист. Кроме пародий, я пишу и музыку, и прозу, занимаюсь аранжировкой. Кстати, в связи с этим у меня родилась грандиозная идея. Мечтаю написать музыку и прозу, концерт, где в качестве ведущего, актера, музыканта, наконец, пародиста будет выступать один человек. Чувствую, что могу это сделать. Правда, не уверен, что скоро, ведь ни в коем случае нельзя провалиться, иначе это будет первая и последняя затея в моей жизни.

— Жора, почему, на твой взгляд, белорусские артисты остаются в тени!

— Хороший, талантливый артист — это бизнес. Чтобы реально иметь положительный результат, не надо скупиться на расходы. На будущую «звезду» должна быть направлена работа большого синдиката: продюсеры, менеджеры, рекламные агентства, студии записи. Что из перечисленного есть в Беларуси? Ничего! У нас много талантов разбегалось по миру в поисках реальных шансов на положительный результат. Мы это всегда замечаем слишком поздно. Талантами нельзя разбрасываться.

— Что бы ты сейчас хотел изменить в своей жизни!

— Даже не знаю. Хотя... Надела до чертиков «общага», и не столько стесненные условия, сколько ее «глаза и уши». Общежитие — это муравейник, в котором нельзя ни поработать, ни выпастись, ни пригласить в гости даму после 23.00. А мне это не нравится. В конце концов, я уже взрослый человек — 28 лет все-таки, и могу отвечать за свои поступки. Там же, на вахте, во мне видят не человека, а очередного члена муравейника. Обидно...

Беседовал
Игорь КАРНЕЙ.